Международные процессы, Том 18, № 3 (62), сс. 6–22
DOI 10.17994/IT.2020.18.3.62.5

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

«РУССКИЙ ВОПРОС» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ Т. ГОМАРА О ВЫЗОВАХ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

ЕВГЕНИЯ ОБИЧКИНА
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Поводом к написанию статьи стала книга Т. Гомара о десяти главных геополитических вызовах современной Европе, среди которых видное место занимает возвращение России в ранг наиболее влиятельных мировых держав. Неотвратимый партнёр, Россия всё более отчуждается от зарубежной Европы, причём расходящееся движение взаимно. В этой ситуации жизненно важным для будущего обеих частей континента становится вопрос, насколько необратим обозначившийся геостратегический разлом. Анализ представлений европейских экспертов по международной политике о соотношении интересов Западной Европы и России позволяет понять причины усиливающегося расхождения между ними. Т. Гомар, директор ведущего аналитического центра Франции по международным проблемам (Французского института международных отношений), – один из наиболее авторитетных западных экспертов в области геополитики, а также специалист по российской политике. Его суждения и рекомендации во многом идентичны программным внешнеполитическим высказываниям и действиям Э. Макрона, что свидетельствует о высокой степени их репрезентативности по отношению к внешнеполитическим взглядам руководства Франции. Прогноз Т. Гомара отвечает с позиции Франции, намеренной действовать от имени Европейского Союза, на острейшие проблемы европейской геополитики и нацелен на утверждение расширенной Западной Европы в качестве самостоятельного центра силы в трансформирующейся мировой иерархии. Для российского читателя подобные издания интересны с двух точек зрения. Они дают представление как о направлении этих поисков, так и о методологии геостратегического прогнозирования. В частности, в книге идёт речь о заметных когнитивных сдвигах в анализе международного поведения России, производных от новой европейской реальности, в которой существенную роль играют результаты формирования за 70 лет существования НАТО и почти 65 лет европейского строительства *Homo Atlanticus* – нового типа европейской политической и интеллектуальной элиты. Общий вывод скорее неутешителен для России. Рост её могущества расценивается европейцами как вызов, а не как возможность для совместного укрепления позиций континента в условиях нарастающего американо-китайского соперничества, что Москве кажется разрывом с главной референцией французской дипломатии – её голлистской традицией, а на деле отражает современную оценку соотношения сил в Европе и мире в духе классического реализма. Мотивация для возвращения к партнёрству снижена, во-первых, фронтальным отказом российских лидеров от конвергенции по западной модели и, во-вторых, прогнозированным ослаблением экономического потенциала страны. Усиление её военного потенциала расходится с интересами Западной Европы. Переориентация на Китай

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.11.2020
Дата принятия к публикации: 19.02.2021

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: obitchkina@mail.ru

из-за асимметрии экономических возможностей предрекает России подчинённое, если не маргинальное место в глобальном проекте «Пояса и пути». В то же время положение великой континентальной державы, простирающейся между Китаем и ЕС, в отсутствие общности и тесной кооперации и на фоне продолжающегося разрыва с Западной Европой может оставить Россию вне главного театра будущей геополитической и геоэкономической активности Запада – Индо-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова:

методология геостратегического анализа; внешняя политика России; внешняя политика Франции; китайско-американское противостояние; перспективы глобализации; Индо-Тихоокеанский регион.

Главным итогом тридцатилетия, прошедшего с окончания «холодной войны», можно назвать отсутствие её внятного итога. Новая мировая иерархия создаётся на наших глазах, причём не в решающей битве гигантов, а в торговых войнах и локальных конфликтах вроде карабахского или сирийского, в которых не только протагонисты, но и заинтересованные наблюдатели или неявные участники, сознательно нарушая или побуждая к нарушению статус-кво, пробуют определить допустимые границы реализации своих интересов, в зависимости от реакции рассеянного «мирового сообщества». Атомизация глобализованного мира – парадокс, подчёркивающий насущную необходимость для каждого международного игрока заручиться понимающими партнёрами в выстраивающемся соотношении сил. Для российской дипломатии эти поиски начались, по сути, со времени окончания «холодной войны». Сегодня не принято вспоминать о проекте строительства «общего европейского дома», родившемся на развалинах Берлинской стены и зафиксированном в Парижской хартии для новой Европы. За тридцать лет расширенная Западная Европа и Россия далеко зашли в противоположном направлении, и это стало важной, но не единственной причиной неудачи двух европоцентричных проектов, основывавшихся на консенсусе, – и *Pax Americana*, и оппонировавшей ему российской идеи кооперативной многополярности, то есть нового «концерта держав». Мировая сумятица усилилась благодаря смещению оси мирового развития из Евро-Атлантики на восток, и конфликтным оказывается даже топонимическое определение главного театра мирового взаимодействия. Россия предпочитает называть его Азиатско-Тихоокеанским, в то время как в Евроатлантическом блоке его центр смещается к югу от побережья России и Китая к Индо-Тихоокеанскому бассейну.

При том что России удалось вернуть себе место ведущего мирового игрока, её разлад с Западом ставит Москву в уязвимую позицию, но одновременно усиливает общую уязвимость Европейской части континента. Последнее заставляет европейских политиков, способных «заглянуть за горизонт», искать формулу конструктивного взаимодействия с Россией. В 2019 году, принимая председательство в «группе семи», президент Франции Э. Макрон призвал европейцев не разворачиваться спиной к России, поскольку это толкает её к геополитике, которая «не в наших интересах»[1]. Он повторил свой призыв в Вильнюсе осенью 2020 года, на фоне массовых уличных протестов в Беларуси и «дела Навального». Тем не менее эти заявления не изменили сути даже двусторонних франко-российских отношений, не говоря об отношениях между Европейским Союзом и Россией. В результате российскому политическому классу и экспертному сообществу пришлось проститься с устойчивым убеждением, что объективные политические и экономические интересы европейцев рано или поздно заставят их вернуться к сотрудничеству. Между тем «русский вопрос», то

[1] Déclaration conjointe Poutine/Macron // BFM TV, 19.08.19.

есть отношение к политике России, сегодня раскалывает европейское сообщество на сторонников наведения мостов и сторонников возведения стен. Трещина проходит не только между странами, но и внутри самих европейских обществ, что создаёт дополнительное напряжение. Богатый материал для размышлений о причинах затянувшегося недостатка доверия содержит недавно вышедшая книга директора Французского института международных отношений (IFRI) Т. Гомара. Её название («L'Affolement du monde» – «Мировая сумятица») [Gomart 2019] лаконично отражает реалии постбиполярного мира, передавая тревожное чувство, охватившее многих европейских политиков и аналитиков, во всяком случае тех, чей кругозор превосходит рамки узкорегиональных и кратковременных интересов. В точно подобранном слове сочетаются и научная констатация потери чётких ориентиров в мире, который, казалось, был в шаге от либеральной глобализации[2], и появление новых миражей. Действительно, состояние международных отношений плохо согласуется с привычным со времён Венского конгресса понятием системы. В данном случае диагноз уточнён, а перевод навеян образом взбесившейся магнитной стрелки и может звучать по-русски как «Взбесившийся компас: десять мировых геополитических вызовов».

1

Книгу Т. Гомара отличает зримое присутствие автора, который в художественной литературе выступает в роли «лирического героя». Повествование от первого лица создаёт энергетику прямого обращения к читателю-европейцу, которого призывают задуматься и действовать. Так как объект исследования расширен до универсальных масштабов, речь идёт об авторской интерпретации и синтезе, казалось бы, широко известных фактов, а суть его состоит в том, какие вопросы автор ставит той реальности, становлению которой он сопричастен. По выражению Т. Гомара, «мы находимся в решающей фазе траектории Европы» [Gomart 2019: 10]: в меняющейся мировой иерархии не работают старые ориентиры, что делает европейцев более уязвимыми, поскольку сам этот мир всё дальше от их идеала. Цель автора – дать элементы анализа, обозначив главные вызовы современности, чтобы найти новую точку равновесия. Главный вопрос, поставленный от имени европейцев, – куда движется глобализация и куда идти Европе в момент, когда намечается «новая мировая иерархия» [Gomart 2019: 11]? Та же тревога звучала в речи Э. Макрона на Посольской неделе 2019 г. (то есть в год выхода книги): ЕС, «обессиленный» выходом Великобритании из интеграционного объединения, «стоит на краю пропасти и может исчезнуть геополитически», «если мы не проснёмся, мы больше не будем хозяевами своей судьбы»[3].

Т. Гомар предлагает европейцам двигаться от идеологического целеполагания в духе Дж. Савонаролы, согласно формуле М. Пруста, «по направлению к...» реализму Н. Макиавелли. Далеко не случайно в прологе книги о геополитике методологические подходы к теме раскрываются в параграфе, озаглавленном «Россия как опытное поле», поскольку в исследовании мировой политики и внешней политики России автор обладает преимуществом специалиста и знатока, которое позволяет ему основываться одновременно на интеллектуальном и сенсорном восприятии страны. Близкое знакомство с Россией помогает сравнить представление о заявленных целях российской дипломатии с поведением людей, принимающих решения.

[2] Слово обозначает в научном значении – размагничивание магнитной стрелки, в техническом – сбой резьбы в крепёжном винте.

[3] Discours du Président de la République Emmanuel Macron à la Conférence des Ambassadeurs et des ambassadrices de 2019. URL: www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-président-de-la-république-a-la-conférence-des-ambassadeurs-2019 (дата обращения: 10.09.2019).

Книга Т. Гомара не только демонстрирует, но и объясняет тот когнитивный сдвиг, который происходит со второй половины 2010-х годов в западноевропейском восприятии перспектив развития мировой политической системы и роли в ней России. *Во-первых*, речь идёт об отказе от картины глобального мира, выстроенного на основе конвергенции[4] по правилам, диктуемым Западом. Новые центры силы наращивают своё могущество, причём они не только не намерены подчиниться этим правилам, но стараются отстоять собственную модель развития. При этом автор видит существенную разницу в положении России и Китая. Для возвышения Пекина глобализация экономики является непременным условием, и он активно работает над созданием системы, параллельной той, что в настоящее время контролируется США[5]. Россия же, наделённая потенциалом противодействия западному миру («вредоносной силой» – *pouvoir de nuisance – фр.*), из-за недостатка экономического потенциала обладает «весьма ограниченной способностью к лидерству (*leadership*)» [Gomart 2019: 18].

Во-вторых, когнитивный сдвиг заключается в отказе от либерального тезиса об угасании роли государств в качестве главных субъектов международных отношений, то есть о смерти Вестфальской системы. В ценностном плане ориентиры остались неизменными с 1990-х годов, когда солидарный Запад закрепил за НАТО право на «гуманитарную интервенцию». Абсолютный приоритет прав человека обусловил отрицание основополагающего принципа Вестфальской системы, в которой суверенитет предусматривает исключительное право государства/государя на насилие внутри своих границ. С конца 1990-х годов этот вопрос оставался камнем преткновения в споре либеральных демократий с остальным миром. Указанное расхождение стало основной меткой для определения «свой/чужой (Другой)», в частности острых разногласий между Россией и консолидированным Западом в косовском (1999), иракском (2003)[6], а с 2011 г. – в ливийском и сирийском вооружённых конфликтах. Признание того, что проект либеральной глобализации далёк от завершения, не означает отказа от перспективы движения. Реализм Т. Гомара состоит не в возвращении к абсолютизации суверенитета, а в том, чтобы чётко определить сходство и различие интересов европейцев и главных международных игроков в видении перспектив мирового развития. Он указывает на противоречие между охранительной трактовкой суверенитета в Москве и Пекине, а также в Вашингтоне, признающей лишь собственную суверенность и односторонние решения, с одной стороны, и актуальными тенденциями мирового развития, с другой стороны. Вопросы регулирования киберпространства, климатических и миграционных проблем не могут быть ни сформулированы, ни разрешены

[4] Под конвергенцией понимается тенденция к унификации, основанной на встречной трансформации Запада и России/СССР, о которой писал с 1944 г. П.А. Сорокин и за которую выступал не только А.Д. Сахаров, но и М.С. Горбачёв. Конвергенция на основе западной цивилизационной модели – центральная идея глобального либерального проекта, выражением которого является и в целом удавшаяся интеграция в ЕС стран ЦВЕ, и *Pax Americana*.

[5] Возвышение Китая стоит первым из десяти обозначенных автором геополитических вызовов для будущего Европы и мира. Ему посвящена первая глава книги: «Китай на пути к завоеванию мирового первенства». Среди последующих десяти названы: климатические проблемы и доступ к энергетическим ресурсам, сокращение лидерской роли США и их растущее соперничество с Китаем, обострившаяся борьба за контроль над общими пространствами, возвращение России к силовой политике, нарастание насилия в международных отношениях, кризисные явления в европейских обществах и в Европейском Союзе, торговые войны, меняющееся соотношение сил в Евразии (от Каспийского до Средиземного моря), массовый приток мигрантов и столкновение идентичностей.

[6] В 2003 г. Франция и Германия выступили против англо-американского плана интервенции в Ирак.

в узких рамках государственных границ [Gomart 2019]. В то же время Т. Гомар считает, что возвышение новых центров силы, нарушивших западное лидерство, требует от европейцев адекватной оценки соотношения сил. Автор предлагает в выстраивании европейской внешнеполитической стратегии исходить из критериев троякого рода: из геополитики, внешнеполитического поведения и геоэкономики.

Следует оговориться, что в определении термина «геополитика» во французской аналитике существуют разночтения. Одни определяют её как особый, наступательный род внешней политики, направленной на завоевание и удержание пространства и влияния. Из него исходят, в частности, авторы брошюры «Геополитика России» [Mongrenier, Thom 2016], выпущенной издательством PUF (Французская университетская пресса) в популярной серии «Que sais-je?» («Что я знаю?»), которая служит своеобразным ликбезом для образованного читателя. Авторы считают, что «русский вопрос происходит из геополитики», так как этот термин для них означает «соперничество за власть или влияние над территориями или над населением, на них проживающим, имеющее целью контроль, завоевание или защиту территорий большой и малой площади»» [Mongrenier, Thom 2016: 5].

Поскольку концепция задаётся определением предмета, только в этой логике объясняются сложные и часто неоднозначные в смысле соотношения намерений и результатов внешнеполитические шаги российской власти. В частности, уже во введении авторы совместили две, по их мнению, устойчивые характеристики геополитики России: «Кремль имеет широкие геополитические амбиции, и он руководствуется идеей возвращения статуса глобальной державы, которая стоит в оппозиции к Западу» [Mongrenier, Thom 2016: 5]. На наш взгляд, оппозиция Западу изначально и на протяжении по крайней мере первых двух десятилетий постсоветской истории России (а не только во время первого мандата Ельцина) вовсе не была самоцелью российской внешней политики. И первые два срока В. Путина, и правление Д. Медведева были отмечены западническими тенденциями, причём не только исходя из прагматической необходимости спасти экономику благодаря западным кредитам, как полагают авторы [Mongrenier, Thom 2016]. На фоне трудностей переходного периода внутренняя необходимость восстановления авторитета власти внутри страны, неотделимого от отстаивания суверенитета и возвращения международного престижа, так же как органичный российской власти и социуму метод политической стабилизации, в итоге поставили Кремль в оппозицию к Западу.

Т. Гомар исходит из иного определения геополитики. Оно кажется более нейтральным, но, на мой взгляд, позволяет стереоскопически рассмотреть главные геополитические вызовы наших дней. Автор отделяет геополитику от внешней политики, ссылаясь на определения, данные Т. де Монбриалем (основателем Французского института международных отношений – Ifri) [Montbrial 2002: 81]. Геополитика – это «идеология, детерминированная географическим положением», которая лежит в основе проектов, диктуемых идентичностью, и призвана оправдать внешнеполитические цели, которые формулируются исходя из материальных и человеческих ресурсов». Внешняя политика, как «основное поле деятельности дипломатов и военных, служит реализации, а зачастую – сокрытию целей, сформулированных правительствами». Метод, предложенный автором, состоит в том, чтобы «выявить и проанализировать взаимодействие между геополитикой и внешней политикой, чтобы понять, а значит, предсказать поведение другого [игрока]» [Gomart 2019: 14]. Третьим необходимым элементом анализа является геоэкономика, введённая в арсенал международной аналитики с 1990-х годов с подачи специалиста по геостратегическим вопросам Эдварда Лютвака, который указал на смещение международного соревнования из военно-стратегической в экономическую сферу.

2

Российскому читателю книга о «взбесившемся компасе» интересна прежде всего тем, что обозначает направление геополитической стратегии европейских лидеров, в число которых будет входить Франция, на ближайшую и среднесрочную перспективу. Репрезентативность представленной точки зрения подчёркивается двумя обстоятельствами. *Во-первых*, именно Франция, по крайней мере с начала Пятой республики, то есть более шестидесяти лет, продвигает идею сильной и «европейской» Европы сообществ, сохраняющей автономные интересы в западном ансамбле. *Во-вторых*, обращает на себя внимание высокая степень совпадений оценок и рекомендаций Т. Гомара с высказываниями и дипломатическими действиями президента Э. Макрона. Суждения Т. Гомара, как показывает знакомство с достаточно солидным корпусом недавних французских публикаций, посвящённых России, вписываются в общий тренд её восприятия во французском экспертном сообществе и во многом способствуют его формированию, если принять во внимание высокий авторитет института, который он возглавляет, и уровень знания предмета [de Tinguy 2019; Mongrenier, Thom 2016; Radvanyi, Laruelle 2016; Marie 2016]. Автор разделяет общий для французского аналитического сообщества взгляд на Россию. В представлении европейских интеллектуалов это «значимый Другой».

Научная карьера Т. Гомара давно и прочно связана с Россией. Одна из его первых монографий посвящена истории франко-советских отношений в первые годы Пятой республики, которые соответствовали началу разрядки, пришедшейся на годы хрущёвской «оттепели» – 1958–1964 [Gomart 2003]. Для французской внешней политики и для Москвы это было время, на десятилетия определившее особый, голлистский курс, важной составляющей которого являлись привилегированные франко-советские отношения. К концу 2000-х – началу 2010-х годов фокус интереса автора к России сместился в поле актуальной аналитики, что отразилось в двух крупных англоязычных публикациях, в которых угадывается англосаксонский, атлантический акцент. В них затронуты важнейшие стратегические направления российской дипломатии: военное [Gomart 2008] и энергетическое [Gomart 2011]. Они пришлись на время, когда в Париже были увлечены противодействием «энергетическому диктату» России в прямой связи с идеей укрепления евроатлантической солидарности.

В согласии с этим трендом Франция вернулась в военную организацию НАТО и участвовала в активной работе над проектом трансатлантического торгового партнёрства, мотором которого был Б. Обама. Его правление затушевало риски, связанные с концентрацией общих интересов вокруг политики Вашингтона, которые во времена Дж. Буша-мл. вызывали тревогу защитников европейского суверенитета, в частности президента Франции Ж. Ширака. Смена президентов и в США (в 2016), и во Франции (в 2017) стала очередным «моментом истины».

Скромные, в духе Четвёртой республики, итоги дипломатии Ф. Олланда дали повод пересмотреть его внешнеполитический курс, тем более что со сменой американского президента европейцы могли почувствовать разницу между Евро-Атлантикой à la Obama и à la Trump, в котором их интересам явно отводилась подчинённая роль. Между тем стала понятной новая реальность – возвышение Китая и обострение американо-китайского соперничества, географический центр которого сместился в Азиатско-Тихоокеанский регион – регион, который на Западе в последнее время предпочитают называть Индо-Тихоокеанским. Европа неизбежно оказывается в него вовлечённой, но впервые за несколько веков в роли второстепенного игрока. В то же время отвергнутая США и Европой Россия на их глазах укрепляет стратегическое партнёрство с Китаем. Эта тема привлекает внимание Т. Гомара вот уже несколько лет. Одна из его недавних работ была посвящена анализу рисков, которые несёт, прежде всего Европе, станов-

ление нового стратегического треугольника с его вершинами: Россией, США и Китаем. В 2017 году, к началу нового президентского цикла во Франции, вышла книга с говорящим названием «Наш национальный интерес. Какая внешняя политика нужна Франции?», написанная им в соавторстве с Т. де Монбриалем [Gomart 2016; Gomart, Montbrial 2017].

Известна заметная роль прогнозов Ifri – института, возглавляемого сегодня Т. Гомаром, в формировании внешнеполитического курса современной Франции[7]. О его идейно-политических предпочтениях в нынешних условиях судить труднее, в то время как прежде возглавляемый им институт был ближе к либеральным правоцентристским кругам. Т. Гомар принадлежит к тому же поколению, что и Э. Макрон. К нему трудноприменимы прежние французские «метки», отличающие «атлантистов» от «голлистов», то есть защитников независимости внешнеполитических решений, не отменяющей идейно-политической общности со странами Североатлантического Альянса. 70 лет в организации своей безопасности страна полагалась на НАТО, а это сравнимо по длительности с советским периодом. Подобно тому как советская идентичность породила *Homo Sovieticus*, в военных, дипломатических, политических и экспертных кругах Франции длительный опыт стратегического мышления, заданного атлантическими рамками, сформировал *Homo Atlanticus*. Одновременно более 60 лет Франция умножает свой потенциал через Европейские сообщества и уже почти 30 лет существует в рамках Европейского Союза. Неудивительно, что политический и экспертный истеблишмент Франции мыслит суверенитет в атлантических и европейских рамках. Сегодня утверждение: «в настоящее время способность к военному вмешательству для Франции и для ЕС в целом зависит от тесных связей с Вашингтоном и Лондоном» [Gomart 2019: 279] – является не более чем аксиомой, продиктованной оценкой реального соотношения сил.

С методологической точки зрения указанные расхождения применительно к автору книги не так важны, как сосредоточенность на вопросах, имеющих голлистскую референцию, наложенную на стойкий исследовательский интерес к России. Под голлистскими референциями в данном случае понимается убеждение, что внешнеполитическая идентичность страны, её геополитика не исчерпываются рамками средней европейской державы и что её призвание состоит в сохранении глобальной ответственности, в первую очередь в регионах её прежних колониальных владений, где остаются её заморские департаменты. С другой стороны, немаловажно, что Т. Гомар наследует институт, основанный Т. де Монбриалем, для которого анализ и прогнозирование внешнеполитического поведения Москвы с советских времён неизменно базировались, как и для де Голля, не столько на идеологических, сколько на геополитических характеристиках, погружённых в длительную историческую перспективу. Свежим примером тому является публикация русского перевода книги Т. де Монбриаля «Русский дневник», в которой собраны заметки и наблюдения, отразившие впечатления от многочисленных посещений страны с 1977 по 2011 год [Монбриаль 2019].

3

Возвращение России в мировую политику в качестве центра силы Т. Гомар рассматривает среди десяти главных рисков в мире, лишённом единых ориентиров. Вместе с США и Китаем Россия отнесена автором к тройке стран, обладающих наи-

[7] В правление правых сил и при Э. Макроне в гораздо большей степени, чем при Ф. Миттеране и Ф. Олланде, которым ближе был П. Бонифас – директор IRIS (Institut des relations internationales et stratégiques), создание которого было инициировано окружением социалиста Ф. Миттерана. Тот, хотя и любит ссылаться на свойственную Пятой республике, в том числе Ф. Олланду, особую «галло-миттерановскую» традицию, при Шираке настаивал на целесообразности равнения на политику США – тенденция, усилившаяся в правление Ф. Олланда.

большим потенциалом и стремлением к независимому действию [Gomart 2019]. В глазах автора риски для Европы связаны со спецификой международного поведения российского руководства, которое «стремится перенести соревнование с Западом в сферы, далёкие от экономики» и «укрепить свой державный статус благодаря демонстрации собственного могущества» [Gomart 2019: 137]. При этом автор добавляет: Россия добивается этого, «заставляя себя опасаться» [Gomart 2019: 14]. Чего стоит опасаться Западу в международной стратегии России? В первую очередь, как считает Т. Гомар, Москва заинтересована в раздроблении Запада. Она стремится разбить евроатлантическое единство, чтобы, с одной стороны, избежать стратегического давления на западном и южном флангах и, с другой стороны, устранить США из Европы, восстановив европейский концерт, «позволяющий ей воспользоваться двусторонним соотношением сил», в котором у неё явное преимущество [Gomart 2019: 143]. Как Китай и США, Россия предпочитает межгосударственные контакты принципу мультилатерализма, который является главной опорой международного влияния для всех без исключения членов ЕС, из чего можно сделать вывод, что дипломатическое поведение России, склонной к двустороннему взаимодействию, затрудняет реализацию интересов стран ЕС.

Направление движения России расходится с западным. Она отказалась от конвергенции с Западом и настаивает на многополюсном кооперативном мироустройстве. Россия может усилить риски в американо-китайском соперничестве, причём не только в качестве младшего экономического партнёра Китая – здесь, «развернувшись от Запада, она сама рискует ошибиться» [Gomart 2019: 140], а благодаря своей политике, оппонирующей США и ЕС. Важным является вопрос, какие интересы стоят за этой политикой. Автор отмечает, что действия с позиции силы – это реакция России на проявленное Западом неуважение к интересам её безопасности в связи с расширением НАТО. В то же время он не считает последний процесс злонамеренным. Москве следовало понять, что он отвечал стремлению бывших советских сателлитов обеспечить свою независимость, и оценить компенсацию, предложенную Западом: она смогла воспользоваться западной экономической помощью и получила приглашение присоединиться к «группе семи». Автор приписывает России «нескрываемое презрение» к этому клубу [Gomart 2019: 143], который она вынужденно покинула в 2014 году, поскольку он объединяет западный мир, замедляющийся в своём развитии по сравнению со странами ускоренного развития. Думается, в данном случае автор склонен риторику российского руководства принимать за мотив. Президент России вполне мог рассчитывать использовать готовившийся сочинский саммит «группы восьми» для прямого объяснения с её лидерами по поводу Крыма и Украины.

Опасным для западных демократий кажется автору то, что в последние годы Россия способна «заражать» их собственную политику, делая ставку на авторитарные тенденции. По наблюдению Т. Гомара, «русский вопрос» стал опасной темой. Его тревожит парадоксальная ситуация: несмотря на резкое охлаждение отношений, «после 2014 г. высказывать искреннее суждение о России стало гораздо труднее» [Gomart 2019: 131]. Позже он добавляет: в политическом плане Россия сегодня «оказывает на европейские страны гораздо большее влияние, чем они на неё» [Gomart: 2019: 145].

Можно согласиться с автором, что внутренние трудности, переживаемые европейскими демократиями, так же как и американо-европейские противоречия, обострившиеся в правление Трампа, «питают российский национализм» в споре с Западом, однако трудно согласиться с тем, что эта реактивная политика выступала изначальным стратегическим выбором российской власти. Говоря о выборе России в пользу демонстрации силы, автор оставляет открытым вопрос, достаточно

ли у неё для этого собственных ресурсов в долгосрочной перспективе, ведь такое поведение ведёт к стратегическому одиночеству. Замечание тем более справедливое, что касается оно одного из наиболее болезненных вопросов российской внешней политики.

Все годы своего посткоммунистического существования Россия стремилась заручиться надёжными партнёрами, и в первую очередь она искала их на Западе, но эти поиски не увенчались успехом, поскольку Кремль устраивало только партнёрство на равных, несмотря на неблагоприятное для него соотношение сил. Сегодня, как представляется, Москва постоянно пребывает в поисках понимающих собеседников внутри ЕС и по-прежнему чувствительна к любому признанию, как и к непризнанию, поверяя своё могущество отношениями с Западом даже в тех случаях, когда резко ему оппонирует. Если в условиях глубоко конфликтных отношений с ЕС она делала ставку на привилегированный диалог с его отдельными членами, стремясь найти с ними совпадающие интересы, то скорее потому, что при наличии партии жёстких критиков России внутри Европейского Союза ей остаётся искать любые «окна возможностей» для возвращения к сотрудничеству.

Таким образом, Кремлю выгоднее не оторвать своего партнёра от европейского или атлантического сообщества, а сделать диалог с ним основой как можно более широкого партнёрства. В этой связи в действиях российской дипломатии после 2014 г. интерес к преодолению дипломатической изоляции кажется более логичным, чем выбор в пользу конфронтации и самоизоляции, какой бы жёсткой риторикой он ни маскировался. Россия работает над решением задачи совмещения китайской инициативы «Пояса и пути» и Евразийского экономического союза, допуская, что рано или поздно европейцы оценят преимущества от сотрудничества на огромном евразийском пространстве, поскольку оно могло бы усилить и её, и европейские позиции в непростом партнёрстве с Китаем.

Та же логическая перестановка причины и следствия, как представляется, лежит в основе утверждения автора, что «вмешательство в Сирии должно расцениваться как стремление “устранить Запад” в решении проблем региона (автор употребляет существительное “désoccidentisation”). Это позволяет Москве в решающий момент предоставить помощь своему традиционному клиенту, одновременно демонстрируя силу после нескольких лет западного доминирования» [Gomart 2019: 144]. Возвращаясь к главным побудительным мотивам этого вмешательства, следует заметить, что в данном случае результат не совпадает с первоначальным замыслом. Готовясь вмешаться в сирийский конфликт на стороне Б. Асада, президент России с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН призывал к созданию широкой международной коалиции с Западом[8].

Угроза расширения ИГ[9] могла бы стать весомым интересом, позволяющим действовать в одном направлении и наравне с США, а значит, выйти из международной изоляции, попутно подключив к антитеррористическому фронту сирийский режим. Следует напомнить, что теми же соображениями В. В. Путин руководствовался и в 2001 году, предложив помощь Дж. Бушу-мл., и после парижских терактов в ноябре 2015, сообщив Ф. Олланду, что российским воздушно-космическим силам отдан приказ взаимодействовать с французскими ВС в Сирии «как с союзником». России пришлось действовать с другими партнёрами (Ираном) из-за отказа Б. Обамы, а вслед за ним и Ф. Олланда рассматривать её в Сирии как равноправного партнёра в борьбе с ИГ.

[8] *Путин В. В.* Выступление на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г.. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/50385 (дата обращения: 12.01.21).

[9] ИГ («Исламское государство») — террористическая организация, чья деятельность запрещена на территории России.

4

Что мешает сегодня вернуться к российско-европейскому партнёрству? Книга Т. Гомара позволяет выделить два базовых ограничителя устойчивого сотрудничества. Первый из них можно определить как «расходящиеся нарративы», существующие при отсутствии фундаментальных идеологических противоречий. Он начинает главу о России с оценки победы во Второй мировой войне, которая сегодня стала главным основанием самоуважения России. Потребовав огромных жертв, она семь десятилетий спустя призвана дать стране гордое ощущение народного героизма и государственного могущества.

Вместе с тем Т. Гомар задаётся вопросом, насколько оправданна эта гордость с объективной и моральной точек зрения. Прошлое изменить нельзя, но оно определяет сегодняшнее восприятие России западными наблюдателями, и это восприятие кардинально отличается от официальной исторической памяти, которая закладывается в основу идентичности современной России. Её политический класс взял на вооружение державную политику Романовых, но ради стабильности и плавного перехода власти после крушения СССР осознанно отказался от обвинительного процесса против коммунизма, не закрыв тем самым вопрос об этическом отношении к советскому прошлому.

Между тем во французской, так же как в англосаксонской политологической традиции, восходящей к началу «холодной войны», утвердилась ассоциация нацизма и сталинизма как двух тоталитарных режимов [Арон 1993]. Т. Гомар транслирует современное англосаксонское видение этой войны как результата векового германо-русского соперничества за контроль над Восточной Европой, что ставит на одну доску агрессора – гитлеровскую Германию и СССР – жертву гитлеровской агрессии. Здесь он ссылается на мнение британского историка Доминика Ливена [Lieven 2015]. Другая сторона того же восприятия (в ссылке на американского историка Тимоти Снайдера [Snyder 2012]) – ассоциативная характеристика двух режимов (гитлеровского и сталинского), а также внутреннего сталинского Большого террора с гитлеризмом, создающая, благодаря смысловой аберрации, амальгаму освободительной миссии советской армии в Восточной Европе и преступлений сталинского режима и его восточноевропейских сателлитов.

«Вместе они истребили 14 млн мирных жителей между 1933 и 1945 годами на пространстве от Балтийского до Чёрного морей, включая Украину, Белоруссию и страны Балтии», из чего делается обобщающий вывод о двойственности роли СССР во Второй мировой войне: «Советская Россия была поочерёдно жертвой и палачом, воплощая для одних освобождение, для других – порабощение» [Gomart 2019: 126]. Выбор ссылок на англосаксов показателен, поскольку их национальная память не обременена опытом нацистской оккупации, и оттого оценочная шкала у них иная, чем, например, у французов, переживших войну. Кроме того, историческая память о войне в самой Франции изначально имела двойственный и болезненный характер, которым она обязана коллаборационистскому режиму Виши. Для традиции, восходящей к Сопротивлению, нацизм был абсолютным злом, а СССР – страной, которая принесла наибольшие жертвы на алтарь победы на стороне антигитлеровской коалиции, несмотря на то, что её ассоциация с «демократическими нациями» базировалась исключительно на противостоянии нацизму. Однако императивы «холодной войны» и реинтеграции вначале Германии, затем восточноевропейских стран в евроатлантическое сообщество за прошедшие с тех пор более чем полвека сделали эту ассоциацию неактуальной.

Начинать главу о современной России с упоминания о Сталине и о войне автору понадобилось, чтобы задать тон восприятию России как политической данности. Современный европейский интеллектуал рассматривает историческую российскую преемственность в способах исполнения власти и в отношениях между властью и обществом в либеральных категориях добра

и зла. Т. Гомара отделяет от Второй мировой войны, по крайней мере, два поколения, что лишает историческую память остроты непосредственного переживания. Её трудно восполнить чтением литературных произведений о вооружённых конфликтах, противопоставлявших безжалостности правителей, борющихся за власть, страдания человека-жертвы, пусть это даже Л. Толстой, Р. Мартэн дю Гар и В. Гроссман.

В наследственной личной памяти живущих в России беспрецедентные, даже по меркам Второй мировой, ужасы немецкого нашествия и жестокость оккупантов на советской территории, огромные людские потери, как при отступлении, так и при наступлении, в том числе в боях с нацистами на территории Восточной Европы, делают эту войну великой, отодвигая на второй план трагический конфликт между властью и личностью. Огорчившая меня оценка, как и мои возражения, могли бы быть опущены в анализе, но в центре внимания находится восприятие России на Западе.

Здесь нельзя пройти мимо ссылки Т. Гомара на Л. Толстого и В. Гроссмана [Gomart 2019: 13], поскольку именно в их существовании в истории России заключена суть ответа на больной вопрос, который неизбежно слышит от российского обывателя каждый, кто занимается изучением Запада: «Почему нас не любят?» Дело в том, что, в отличие от Китая, образованное российское общество не стояло в стороне от европейского гуманистического развития, от общей этической традиции в понимании добра и зла, и нравственную глухоту общества и власти потому нельзя списать на принадлежность к цивилизации с иной этической шкалой. Для автора-европейца вопрос о природе власти в России является ключевым в понимании причин несостоявшейся конвергенции страны, её добровольного отказа от европейского выбора.

Т. Гомар разделяет мнение, что раскол между Россией и Европой восходит к монгольскому нашествию, из-за которого в российской политической традиции прочно утвердилась практика деспотического правления, что помешало становлению современного государства европейского образца. В российской монархической традиции государство рассматривалось как вотчина государя, а главной характеристикой советского прошлого для автора является тоталитарный режим сталинского периода. Анализируя страшную цифру – 25 млн погибших, заключённых и депортированных внутри страны между 1928 и 1953 годами, не считая жертв голода и войны, как пример беспрецедентного насилия над собственным народом, автор задаётся вопросом: «Как такая степень жестокости могла быть навязана народу его руководителями?»

Он приводит объяснение из книги А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», которое позволяет понять только одну сторону этого вопроса, а именно как это удалось власти: эффективность репрессивной системы строилась на тюремно-лагерной практике, основанной на сговоре между администрацией и криминалом, которая вросла в общую политическую практику и в функционирование государства [Gomart 2019: 132]. Открытым остаётся вопрос, как народ позволил сотворить с собой такое? Видимо, в ответе на него следует искать причины того, что не только российская элита, но и в целом Россия, 80% населения которой живёт в европейской части, несмотря на крах коммунистического режима, в очередной раз «разминулась» с Европой. Несмотря на географическую общность, для европейцев Россия – это Другой, не только отказавшийся от намерения интегрироваться в Европу, но и не имеющий к этому призвания.

Действительно, недолгие пять лет (1991–1996), когда в своём выборе внешнеполитической ориентации и в строительстве новой идентичности Б. Ельцин и либералы-западники в его окружении стремились влиться в Запад, оказались в глазах российской власти и общества отрицательным опытом. Результатом стал резкий внешнеполитический разворот, связанный с именем Е. М. Примакова, возглавившего МИД в 1996 году. Т. Гомар считает, что в этом развороте виновата, с одной стороны, уна-

следованная российским государственным аппаратом инерция советского прошлого, а с другой стороны, «полная незаинтересованность со стороны западных держав» [Gomart 2019: 133].

Е.М. Примаков выстроил комбинацию, свидетельствующую, по мнению автора, о высоком профессионализме российской дипломатии, которая позволила создать противовес США благодаря тесным отношениям с Китаем и Индией и поддержанию многочисленных связей с мусульманскими странами. В дополнение к этому во время правления Д.А. Медведева и В.В. Путина был создан БРИК, позиционирующий себя как клуб стран ускоренного развития. Эта комбинация, по мнению Т. Гомара, стала «настоящей находкой» для России [Gomart 2019: 135], поскольку, инициировав БРИК, она сама стала восприниматься как страна, обладающая сильным экономическим и технологическим потенциалом, хотя в этом не было её заслуги, поскольку это не отражало реального положения её экономики. Своим экономическим весом этот клуб обязан прежде всего Китаю и Индии.

В стратегическом плане дополнением этой комбинации стала ШОС, в которой роль России гораздо весомее. Таким образом, со второй половины 1990-х российская политика выстраивалась в соответствии с идеями русских эмигрантов – евразийцев 1920-х годов, которые считали европейскую модель развития несовместимой с идентичностью России. Новых российских державников привлекло то, что «евразийство предлагает развернуться к пространствам, где Россия способна доминировать» [Gomart 2019: 136]. В правление В.В. Путина это убеждение окрепло, поскольку оно, по мнению Т. Гомара, «соответствует фазе реставрации с уклоном в реваншизм» [Gomart 2019: 136]. Хотелось бы добавить в этой связи, что от Е.М. Примакова к В.В. Путину евразийские идеи были не кредо, а инструментом для реализации державных целей российской политической элиты, состоявших в возрождении внешнеполитического могущества и в возвращении России глобальной роли, единственным оправданием которой первоначально оставался статус постоянного члена Совета Безопасности ООН. Т. Гомар, видимо, разделяет это мнение, указывая на то, что главной проблемой российских евразийцев как, впрочем, и западников, остаётся Запад. В то же время он считает, что в поисках идентичности российской элите следует сменить фокус, поскольку «главной заботой её геополитики» в настоящее время должен стать не Запад, а Китай [Gomart 2019: 133].

5

Евразийский выбор российского руководства является вторым разводящим моментом в отношениях России с единой Европой. Руководители российской внешней политики, так же как аналитики, рассматривая перспективы отношений с ЕС в философском ключе, до последнего времени исходили из представления о фундаментальной континентальной общности как из объективной данности, принуждающей Западную Европу к сотрудничеству с Москвой и придающей начавшемуся в 2014 г. конфликту преходящий характер. Между тем такая оценка определяется континентальным характером российского внешнеполитического мышления, так же как и производные от него: дипломатическая традиция отношений с голлистской Францией в духе «Европы от Атлантики до Урала» и неудавшийся проект строительства «общего европейского дома». Концепция неделимости евроатлантической безопасности с участием России руководствуется той же логикой.

Сложившийся стереотип не учитывал того стратегического разворота, который происходит во французской внешнеполитической мысли в изменившихся условиях. В условном разделении на континентальные и морские державы Франция представляется двуликим Янусом. Её главные наследственные враги (империя Габсбургов и Германия) находились на континенте, но её имперское могущество требовало утверждения на океанах.

Стратегия, которую Франция пытается сформулировать от лица всего ЕС – одновременный отход, если не отказ, и от идеи континентальной общности в опоре на Францию – на западе и на Россию – на востоке, и от жёсткого атлантизма, который продвигают США и их наиболее горячие сторонники из Восточной Европы и Балтии. Последние видят в российской угрозе главный объединяющий стимул, что оставляет ЕС в фарватере американских интересов перед лицом Китая и мусульманского мира. Автор предлагает сосредоточить «разумные амбиции» ЕС на том, чтобы застраховаться от неблагоприятных последствий китайско-американских разногласий. В его глазах дальнейшая судьба глобализации зависит, *во-первых*, от соотношения сил между странами Запада и остальным миром, а *во-вторых*, от изменения поведения США [Gomart 2019: 16], поэтому европейцам следует «мобилизовать интеллектуальные и политические ресурсы, чтобы создать собственный проект международной архитектуры, не полагаясь на те, что намечены США и Китаем» [Gomart 2019: 136].

Почему французская стратегия достижения этой задачи не предусматривает опоры на партнёрство с Россией, несмотря на убеждение, что континентальная принадлежность ставит европейцев в зависимость от осложнившихся отношений с Россией, так же как от соотношения сил в паре России и Китая? Для Т. Гомара важно найти точки возможного совпадения позиций между Парижем, Москвой и Пекином, тем более что европейская безопасность рассматривается автором в евразийском масштабе [Gomart 2019: 280]. В очерченных им сценариях развития континентального европейского пространства Россия присутствует, но в очень сложном и пока не проработанном контексте, переданном длинным сложносочинённым предложением. Автор предлагает «пересмотреть условия евразийской стабильности, внимательно присмотревшись к российскому и китайскому проектам, учитывая также геополитическую традицию США, отвергающих принцип доминирующей державы в Евразии, найти возможное совпадение интересов между ЕС, Москвой, Пекином, а также Дели и Токио и его последствия для трансатлантических отношений» [Gomart 2019: 280].

В этой фразе не определены отношения подчинённости, что передаёт разновекторность и неопределённость перспектив международного взаимодействия в Евразии при достаточной определённости соотношения сил. В настоящее время поставленные задачи трудно гармонизировать. Затруднение состоит в отрицательном для ЕС соотношении сил. По мнению автора, в защите национальной идентичности Россия «гораздо лучше вооружена», чем европейские государства. При том что экономические возможности России не позволяют ей полноправно соперничать с Китаем и США, «она умело пользуется неоспоримыми преимуществами, позволяющими ей сохранять автономность решений» [Gomart 2019: 127].

В арсенале силового могущества России высокий мобилизационный потенциал (моральный и военный) умножен исключительной стратегической глубиной, создающей весомые геополитические преимущества. Автор напоминает, что любое иностранное вторжение с Запада неизменно терпело неудачу благодаря обширной территории, что служило оправданием способа организации российской власти [Gomart 2019: 140]. Также он пишет, что благодаря высокому профессионализму дипломатии В.В. Путина, вкупе с восстановлением военной мощи, ему удаётся добиться реализации внешнеполитических планов. Сильный, но непривлекательный в глазах автора субъект, Россия играет роль спойлера, открыто оспаривающего западную модель глобализации и пытающегося навязать собственную, природа которой по-прежнему до конца не определена, поскольку не исчерпан старый спор между славянофилами и западниками. При нынешнем российском руководстве позиции западников подорваны тенденцией к «продвижению политического авторитаризма

под прикрытием регулярных выборов» [Gomart 2019: 126]. В этом Россия схожа с другим возмутителем европейского спокойствия – Турцией.

Оставляя вопрос об отдалённых перспективах сближения интересов Москвы и Парижа открытым, Т. Гомар демонстрирует очерёдность приоритетов французской дипломатии. После кризиса 2014 г. в отношениях между Москвой и странами Запада российское руководство считало логичным наладить отношения с Западом, объединившись с ним на общей платформе борьбы с джихадизмом, который в 2015–2018 годах был назван в крупнейших странах ЕС (Франции, Великобритании, Германии) и США, так же как в России, угрозой №1. Однако этот приоритет оказался не абсолютным, а относительным, недостаточным для того, чтобы забыть все прочие разногласия.

Объяснение этому можно найти у Т. Гомара. Он считает, что европейцы (Франция) «не должны подчинять всю свою международную стратегию борьбе с джихадизмом», поскольку «угрозы нашему образу жизни исходят не только от террористов, но в гораздо большей степени от происходящих сегодня геоэкономических сдвигов» [Gomart 2019: 278]. Казалось бы, геостратегическое положение России, расположенной между Китаем и Европейским Союзом, должно способствовать усилению интереса к партнёрству с ней. Такой вывод был бы логическим продолжением рассуждения, что сближение России с Китаем при их экономической асимметрии может усилить Китай, ослабив потенциал независимого действия Москвы, в то время как ЕС рискует утратить возможность защитить свои интересы в евроатлантическом тандеме из-за нарастающего унилатерализма США.

В прогнозах и рекомендациях, данных Т. Гомаром в конце книги, этот сценарий не значится. Автор предлагает активно заняться проектами, предоставляющими европейцам собственную нишу в китайско-американском соперничестве, вывести ЕС, благодаря имеющимся у Франции возможностям, на океанские просторы. В ответ на риски отдаления англосаксонских морских держав, в условиях растущего американо-китайского соперничества Т. Гомар считает, что Франции следует «уравновесить континентальное и морское восприятия мира», не только содействуя безопасности и стабильности Европы, но и «увлекая её на морские просторы» [Gomart 2019: 280]. Иначе ЕС обречён следовать траекториям, обозначенным Китаем или США [Gomart 2019: 277]. Между тем, как полагает автор, «глобализация – это, прежде всего, концентрация экономик и обществ вокруг морских коммуникаций», определяя её термином “maritimisation” [Gomart 2019: 231]. «В той мере, в какой французская дипломатия сближается с американской концепцией окружения Китая» [Gomart 2019: 280], автор предлагает сосредоточиться на идее создания «индо-тихоокеанской оси», которая должна соединить ЕС посредством Франции, имеющей владения в этом регионе, с Индией, Австралией, Японией и, возможно, с Арабскими Эмиратами. Этому способствует тот факт, что все эти страны включены в американский проект региональной безопасности, направленный против Китая[10]. Круиз по региону, совершённый Э. Макроном в середине 2019 года, служит подтверждением того, что идея взята на вооружение[11].

[10] *Цветов А.* Индо-Тихоокеанский фронт: зачем на геополитической карте появился новый регион и что он сулит России? URL: https://carnegie.ru/commentary/75706 (дата публикации: 22.03.2018).

[11] Visite d'Etat en Inde et sommet fondateur de l'alliance solaire internationale, 09.03.2018. URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/visite-detat-en-inde-et-sommet-fondateur-de-lalliance-solaire-internationale (дата обращения: 25.03.2021)); Emmanuel Macron remercie l'engagement de l'Australie dans les conflits mondiaux, 02.05.2018 URL: https://www.europe1.fr/international/macron-remercie-lengagement-de-laustralie-dans-les-conflits-mondiaux-3640967 (дата обращения: 25.03.2021); Voyage officiel et G20 au Japon, 26.06.2019. URL: www.elysee.fr/emmanuel-macron/voyage-officiel-et-g20-au-japon (дата обращения: 25.03.2021).

В ближайшие десять лет будет решаться вопрос о совместимости интересов этих стран с китайской инициативой «Пояса и пути», поскольку существует опасение, что по мере её реализации Китай может препятствовать свободе судоходства в регионе, находящемся в центре глобальных торговых путей. Цель европейцев состоит в том, чтобы, «не имея возможности противостоять Китаю, отстоять свой суверенитет в области мореплавания» [Gomart 2019: 281]. Россия отсутствует в этом проекте не только в силу географической удалённости. *Во-первых*, в мировой геополитике она определяется понятием «хартленд» (*Heartland*) [Mongrenier, Thom 2016: 9][12]. Её континентальное, евразийское положение, несмотря на беспрестанные попытки прорваться к морским просторам Атлантики через Балтику и Чёрное море, нацеленность на развитие тихоокеанского побережья и продвижение своих интересов в Арктике, принципиально отличает её от морских держав, развёрнутых к тёплым океанам.

Во-вторых, на глобальном уровне с точки зрения геоэкономики могущество России кажется спорным. Приведённая автором схема международного внешнеторгового взаимодействия между ЕС, Китаем, США и Россией демонстрирует слабую вовлечённость последней в экономические обмены, что диспропорционально её военно-политическому могуществу [Gomart 2019: 194]. Неудивительно, что подобный подход вызывает негативную реакцию Москвы. В российской политической географии Индо-Тихоокеанский регион является периферией Азии и упоминался до сих пор преимущественно в работах регионоведов[13]. Для министра иностранных дел России С.В. Лаврова определение «Индо-Тихоокеанский регион» (взамен устоявшегося АТР) является новой западной концепцией, «в которой главное – отодвинуть Китай (да и Россию тоже), сформировать клуб единомышленников, которые будут сдерживать Китай и Россию»[14]. Из слов министра ясно, что ИТР для неё априори не является полем инклюзивного сотрудничества с российским участием.

* * *

Я не доверяю экспертам, которые дают категоричные рекомендации и уверенные прогнозы. Мне запоминаются книги, которые заставляют задуматься. При том что книга Т. Гомара формулирует стратегию французской и в более широком смысле европейской дипломатии, российского читателя не могут не волновать вопросы, которые остаются после чтения, и вопросы, которые возникают благодаря чтению. Фатально ли нынешнее расхождение, поддерживающее раскол континента, который сегодня в России воспринимается как опасная ошибка, а в ЕС – как данность? Что сегодня важнее для будущего России и мира: её неготовность или её нерасположенность к конвергенции с Западом? Казалось бы, география и соображения безопасности побуждают европейцев к взаимодействию с Россией, но, как показывает книга Т. Гомара, геоэкономика и внешнеполитическое поведение содействуют этому в гораздо меньшей степени, ускоряя очередное взаимное политическое отдаление двух частей Европы.

[12] Heartland – термин геополитики, впервые применённый Х. Маккиндером (H. J. Mackinder) – «сердце мира», «сердцевинная земля», осевой ареал; обозначает внутриконтинентальные евразийские территории, вокруг которых происходит пространственная динамика исторического развития. См.: Англо-русский словарь Мюллера // www.translate.academic.ru

[13] *Королёв А.* Индо-Тихоокеанский регион: точка зрения АСЕАН. 03.07.2019. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indo-tikhookeanskiy-region-tochka-zreniya-asean/ (дата обращения: 25.03.2021).

[14] Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова перед студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО 1 сентября 2020. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJO2Bw/content/id/4307068

Список литературы

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
Монбриаль Т. де. Русский дневник: 1977–2011. М.: Аспект Пресс, 2019. 488 с.
Gomart Th. Double détente. Les relations franco-soviétiques de 1958 à 1964. Paris: Publications de la Sorbonne, 2003. 494 p.
Gomart Th. L'Affolement du monde. Dix enjeux géopolitiques. Paris: Tallandier ESSAIS, 2019. 318 p.
Gomart Th. Le Retour du risque géopolitique. Le triangle stratégique Russie, Chine, Etats-Unis. Paris: Institut de l'entreprise/Ifri, 2016. 124 p.
Gomart Th. Russian Energy Security and Foreign Policy. London: Routledge, 2011. 253 p.
Gomart Th. Russian Civil-Military Relations. Putin's Legacy. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2008. 128 p.
Lieven D. La fin de l'empire des tsars. Vers la Première guerre mondiale et la Révolution. Genève: Editions des Syrtes, 2015. 501 p.
Marie J.- J. La Russie sous Poutine. Paris: Payot, 2016. 336 p.
Mongrenier J.-S., Thom F. Géopolitique de la Russie. Paris: PUF, 2016. 123 p.
Montbrial de Th. L'action et le système du monde. Paris: PUF, 2002. 612 p.
Montbrial de Th., Gomart Th. Notre intérêt national. Quelle politique étrangère pour la France? Paris: Odile Jacob, 2017. 332 p.
Radvanyi J., Laruelle M. La Russie entre peurs et défits. Paris: Armand Colin, 2016. 236 p.
Snyder Th. Terres de sang. Paris: Gallimard, 2012. 848 p.
Tinguy de A. La Russie dans le monde / Sous la dir. de A. de Tinguy. Paris: CNRS Editions, 2019. 286 p.

"RUSSIAN QUESTION" IN THE FOCUS OF EUROPEAN GEOPOLITICS

REFLECTIONS ON 10 CHALLENGES TO TODAY'S EUROPE BY THOMAS GOMART

EVGENIYA OBICHKINA
MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

This article is about a book authored by Thomas Gomart on ten major geopolitical challenges for Europe today, Russia's return to the club of the most influential world powers being one of them. A natural partner, Russia is being increasingly alienated from Europe and reciprocates to it by taking a diverging path. Is this emerging geostrategic r irreversible? This question is of critical relevance for the future of the both parts of the continent. An analysis of Europeans' perceptions of the balance of geopolitical interests of Western Europe and Russia provides a key to understanding the reasons behind the growing divergence between them. Thomas Gomart, Director of IFRI (Institut fran ais des relations internationales), the leading international relations think tank of France, is a top French expert in geopolitics who also specializes in Russian politics. His views and recommendations largely echo key foreign policy statements and actions of Emmanuel Macron, which reveals a high degree of their representativeness of French political elite views. Thomas Gomart's forecasts respond to the most urgent needs of European geopolitics from the angle of the interests of France which is committed to acting on behalf of the European Union and aims to position an expanded Western Europe as an independent center of power in the emerging world

hierarchy. For Russian readers such publications are interesting from two points of view: they give an idea of the direction in which this type of research is going and of the methodology used in geostrategic forecasting. In particular, the book demonstrates significant cognitive changes in the analysis of international behavior of Russia. They stem from the new European reality, as represented, in particular, by Europe's political and intellectual elite which has been molded by the 70 years of NATO's existence and almost 65 years of the European *Homo Atlanticus* project.

The overall conclusion is rather disappointing for Russia. Europeans regard its growing power as a challenge, not as an opportunity to join efforts to strengthen the continent's position in the face of the intensifying US-China rivalry. Moscow sees this as a break with the main pillar of French diplomacy — its Gaullist tradition, whereas, in fact, it merely reflects, in the spirit of classical realism, current assessments of the balance of power in Europe and the world. Any motivation for returning to partnership has decrease, firstly, due to Russian leaders' flat refusal to adopt the Western model of convergence and, secondly, because of the forecasts of the weakening of the country's economic capacity. The growth of Russia's military might clashes with the interests of Western Europe. If Russia turns to China, driven by the asymmetry of economic opportunities, it risks taking a subordinate role, if not a marginal one, in the global Great Silk Road project. At the same time, Russia, a great continental power spanning China and the European Union, in the absence of any common ground and with its continued estrangement with Western Europe, may find itself outside the main stage where future geopolitical and geoeconomic action involving the West and the Indo-Pacific region will take place.

Keywords:

methodology of geostrategic analysis; geopolitics of Russia; geopolitics of France; Sino-American confrontation; prospects of globalization; Indo-Pacific region.

References

Aron R. (1993). *Democratiya i totalitarism.* [Democracy and totalitarianism] M.: Tekst. 303 p.

Gomart Th. (2003). *Double détente. Les relations franco-soviétiques de 1958 à 1964*. Paris: Publications de la Sorbonne. 494 p.

Gomart Th. (2008). *Russian Civil-Military Relations. Putin's Legacy*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 128 p.

Gomart Th. (2016). *Le Retour du risque géopolitique. Le triangle stratégique Russie, Chine, Etats-Unis.* Paris: Institut de l'entreprise/Ifri. 124 p.

Gomart Th. (2016). *Russian Energy Security and Foreign Policy*. London: Routledge. 253 p.

Gomart Th. (2019). *L'Affolement du monde. Dix enjeux géopolitiques.* Paris: Tallandier ESSAIS. 318 p.

Lieven D. (2015). *La fin de l'empire des tsars. Vers la Première guerre mondiale et la Révolution.* Genève, Editions des Syrtes. 501 p.

Marie J.-J. (2016). *La Russie sous Poutine.* Paris: Payot. 336 p.

Mongrenier J.-S., Thom F. (2016). *Géopolitique de la Russie*. Paris: PUF. 123 p.

Montbrial de Th. (2002). *L'action et le système du monde.* Paris: PUF. 612 p.

Montbrial de Th., Gomart Th. (2017). *Notre intérêt national. Quelle politique étrangère pour la France?* Paris: Odile Jacob. 332 p.

Montbrial Th. de. *Russkij dnevnik: 1977–2011* [Russian Notebook: 1977–2011]. Moscow: Aspekt Press. 488 p.

Radvanyi J., Laruelle M. (2016). *La Russie entre peurs et défits*. Paris: Armand Colin. 236 p.

Snyder Th. (2012). *Terres de sang*. Paris: Gallimard. 848 p.

Tinguy de A. (2019). *La Russie dans le monde*. Paris: CNRS Editions. 286 p.